

Sgall, Petr; Hajičová, Eva

Актуальное членение предложения и метод вопросов

Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. 1980, vol. 29, iss. A28, pp. 51-57

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/100807>

Access Date: 18. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

ПЕТР СГАЛЛ — ЕВА ГАИЧОВА (ПРАГА)

АКТУАЛЬНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ И МЕТОД ВОПРОСОВ*

Различные концепции актуального членения в принципе сходятся в том, что необходимо различить три слоя актуального членения, которые иерархически упорядочены: в основном, беспризнаковом слое позиция отдельных слов на шкале коммуникативной динамичности обусловлена их местом в семантической структуре предложения с их коммуникативным весом, во втором слое на эту позицию влияют еще контекст и ситуация (т. наз. контекстуальная включенность); для третьего слоя (которым мы далее не занимаемся) характерно подчеркивание одного элемента в предложении в случаях т. наз. второй инстанции.

Коммуникативная динамичность отдельных членов предложения может быть в полном согласии с их коммуникативным весом (что касается как предложений, в которых нет ни одного контекстуально включенного члена, так предложений, в которых все члены контекстуально включенные обладают меньшим коммуникативным весом чем члены контекстуально невключенные, напр. в случае, когда включен глагол, производитель действия, косвенное дополнение, но не включено прямое дополнение). Коммуникативная динамичность отдельных членов отличается от их коммуникативного веса тогда, если некоторый элемент подвергается тематизации, т. е. если коммуникативный вес контекстуального включенного члена выше чем вес другого, контекстуально невключенного члена, напр.

(1) Ябълката даде на момчето ПЕТЪР.

(2) На момчето даде ябълката ПЕТЪР.

Прямое дополнение в (1) и косвенное дополнение в (2) владеют низшей степенью коммуникативной динамичности чем производитель (Петър), хотя они владеют более высокой степенью коммуникативного веса; это явление называется тематизацией дополнения относительно к производителю.

Это понимание связано с рядом пока не вполне выясненных вопросов.¹ Одним из них является определение контекстуально включенного элемента.

* Проверка теоретического аппарата, разработанного первоначально для чешского, русского и английского языков, на болгарском материале была проведена Я. Паневовой, которой авторы также благодарны за перевод статьи на русский язык.

¹ Некоторые из них обсуждались в других наших работах, см. особенно P. Sgall, *Functional Sentence Perspective in Generative Description*, Prague Studies in Mathematical Linguistics 2, 1967, 203—225; P. Sgall, E. Hajičová, E. Benešová, *Topic, Focus and Generative Semantics*, Frankfurt/M. 1973.

Под этим термином мы понимаем элементы, говорящим только упомянутые как элементы слушателю известные (из контекста, из ситуации или из общих условий данного высказывания).² В этом более широком смысле входят в контекстуально включенные элементы и те, которые Фирбас называет кулисой.

Определение факта, является ли данный элемент предложения в данном контексте или ситуации контекстуально включенным или нет, может стать убедительным при подходящем использовании метода вопросов.³

При этом мы исходим из предположения, что говорящие способны (на основе своей языковой компетенции) определить, может ли данное предложение быть ответом на определенный вопрос или не может. (Некоторые проблемы, связанные с этим методом, касаются глагола, некоторые касаются отношения между вопросом и ситуацией высказывания.)

При использовании метода вопросов мы должны иметь в виду, что отдельные элементы шкалы коммуникативной динамичности (даже в случае нормальной интонации) не соответствуют однозначно порядку слов. Именно метод вопросов помогает нам обнаружить, каково распределение коммуникативной динамичности в данном предложении. В простейших случаях можно на основе возможного вопроса (т. е. такого, на который может быть исследованное предложение естественным ответом в контексте, лишенном элементов эмоции или контраста) сразу сказать, которая часть предложения является темой и которая ремой: элементы, обязательно присутствующие в вопросе, входят в тему; те элементы, которые не могут стоять в вопросе, входят в рему. Напр. предложение (3):

(3) Бащата чете някаква КНИГА.

может быть ответом на вопрос (3'), (3"), но не на вопрос (3+) и (3*)

(3') Какво чете бащата?

(3") Какво прави бащата?

(3+) Кой чете някаква книга?

(3*) Какво прави бащата с някаква книга?

(в ответе на вопрос (3+) на слово *бащата* падает акцент, или оно передвигается в конец предложения). Этот набор вопросов определяет слово *бащата* как тему предложения, так как это слово присутствует во всех подходящих вопросах; сочетание *някаква книга* (исключенное из подходящих вопросов) определено как рема и глагол (который может в вопросе присутствовать в виде категориального глагола, см. (3")) можно было бы определить как переходный элемент.

У более сложных предложений полученные результаты уже не столько однозначны; напр. предложение (4)

² Мы исходим из того, что высказывание основано на „сообщениях для слушающих, велевших им модифицировать их восприятие мира и др. в определенных пунктах определенным образом“ (ср. Н. Öim, *On the Semantic Treatment of Predicative Expressions*, *Generative Grammar in Europe*, Dordrecht 1973, 360—386. Элементы контекстуального включения напоминают эти „определенные пункты“.

³ К этому методу ср. А. G. Hatcher, *Syntax and Sentence*, *Word* 12, 1956, 234—250; F. Daneš, *Typy tematických posloupností v textu*, *Slovo a slovesnost* 29, 1968, 125—141; F. Daneš, *Zur linguistischen Analyse der Textstruktur*, *Folia Linguistica* IV, 1/2, 1969, 72—78; L. Uhlířová, *Kvantitativní rozbor věty a výpovědi v češtině* (работа на соискание ученой степени кандидата фил. наук, Прага 1970).

(4) Момчетата изчупиха на жената чадъра.
может быть ответом на любой из вопросов (4') — (4"),
(4') Какво са направили момчетата? (вопрос с категориальным глаголом)
(4") Какво са направили момчетата на жената? (или „категориально“ ...
на *гората* и т. п.)

(4") Какво на кого са направили момчетата?
однако (4) не может быть ответом на вопрос (4*)

(4*) На кой момчета изчупиха чадър?
Мы здесь не принимаем во внимание возможные вопросы вроде *Какво стана? Какво има ново?*

Предложение (5) может быть ответом на вопрос (5'), но не может отвечать на вопросы (5") — (5")

(5) Колета изпрати на чито ПЕТЪР.

(5') Кой изпрати колета на чичо?

(5") Какво стана с колета?

(5") На кого кой изпрати колета? (Правильный ответ был бы ... Петър НА ЧИЧО). Это значит, что слово *чичо* является тематическим элементом; однако не совсем ясным является определение позиции глагола. Предложение (6) может отвечать на вопросы (6'), (6"), (6")

(6) Брат ми занесе писмото НА ПОЩАТА.

(6') Какво направи брат ми?

(6") Къде занесе брат ми писмото?

(6") Какво направи брат ми с писмото?

Из допустимости этих вопросов могло бы выводиться, что только слово *брат* (присутствующее во всех допустимых вопросах и в самом предложении) является тематическим элементом и что только сочетание *на пощата* (неприсутствующее ни в одном вопросе) было бы рематическим; остальные элементы предложения (присутствующие только в некоторых из допустимых вопросов) было бы можно считать переходными (которые по мнению Углиржовой не являются частью ремы). Однако, оказывается, что для элементов типа *писмото* в данном предложении семантические и синтаксические характеристики их поведения не подходят и что описанный критерий для установления темы и ремы для более сложных случаев не является вполне удовлетворяющим. Предложение (6) можно, конечно, характеризовать даже относительно коммуникативной динамичности как одинаковое с предложением (7)

(7) Брат ми писмото занесе НА ПОЩАТА.

и позицию глагола на втором месте предложения в (6) считать только вариантом, „поверхностный“ порядок слов которого не соответствует распределению коммуникативной динамичности. Такая позиция личного глагола на втором месте в предложении даже в случаях, где вследствие того глагол стоит перед некоторым тематическим элементом (и он не подчеркивается интонацией, т. е. о субъективном порядке слов говорить нельзя) является в чешском языке, и кажется, что и в болгарском тоже, довольно частой и следует это понимать как одно из типичных отклонений чешского и болгарского порядка слов от шкалы коммуникативной динамичности.⁴

⁴ См. F. Daneš, *Intonace a věta ve spisovné češtině*, Praha 1957, особенно 66—68; V. Šmilauer, *Pořádek slov, O češtině pro Cechy*, Praha 1960, особ. 256; P. Adamec, *Порядок слов в современном русском языке*, Praha 1966.

Запишем структуру таких предложений в виде схемы (с индексами, обозначающими порядок отдельных дополнений глагола согласно шкале коммуникативной динамичности) как $A_1 \Gamma A_2 A_3$; потом можно сказать, что это предложение можно заменить предложением со схемой $A_1 A_2 \Gamma A_3$ (напр. *Петър на стария си приятел написа, че ...*), причем распределение коммуникативной динамичности не обязательно меняется. Однако, объем контекстов, в которых эти варианты схемы допустимы, не является одинаковым для обоих: Если в предыдущем контексте упомянут не только *Петър*, но также его *старый друг*, потом оба варианта допустимы. Если, однако, речь шла только о *Петре*, а не о *его друге*, потом допустима только первая из схем.

Каким образом объяснить случаи, когда после глагола стоит несколько дополнений глагола? Имеем дело с примерами:

(8) Петър написа на баща ми късо ПИСМО.

(9) Петър написа на баща ми в Брно късо ПИСМО.

(10) Петър изпрати на баща ми по момчето в Брно късо ПИСМО. К допустимым вопросам для (8), (9) принадлежит (8'), для (10) вопрос (10').

(8') Какво е написал Петър на баща ми (в Брно)?

(10') Какво е изпратил Петър на баща ми по момчето в Брно? Из этого видно, что непосредственное распространение проведенного метода довело бы нас до результата, что только последнее дополнение глагола было бы определено как рема. Однако явно, что дополнения, стоящие после глагола, могут быть в определенном смысле частью ремы, т. е. любое из этих предложений может появиться в контексте, в котором не был пока упомянут ни отец, ни место его жительства, ни посредник.

Предложения, содержащие несколько дополнений, стоящих за глаголом, характерны еще одной важной чертой; в них не все аспекты актуального членения определяются семантическим строем предложения и шкалой коммуникативной динамичности. Определенные члены здесь могут или входить в рему, или они (за исключением того, который владеет высшей степенью коммуникативной динамичности) могут быть контекстуально включены. Поэтому и они содержатся в вопросах, приводимых для них, напр. (10'). Заметим, что всегда контекстуально включены все элементы, обладающие степенью динамичности ниже определенной границы; другими словами, контекстуально невключенным является при вопросе (10') одно место, при вопросе (11) два места, при вопросе (12) три, при вопросе (13) четыре и при вопросе (14) пять мест.

(11) Къде какво е изпратил Петър на баща ми по момчето?

(12) По какъв начин (как) какво къде е изпратил Петър на баща ми?

(13) По какъв начин (как) какво къде на кого Петър е изпратил?

(14) Какво е направил Петър?

Если мы хотим считать ремой только элементы контекстуально невключенные, необходимо дать другое определение ремы (ядра, фокуса); проведение границы между темой и ремой связано не только с распределением коммуникативной динамичности в данном предложении, но также с явлением контекстуального включения. Глагол и элементы стоящие направо от него (кроме высшей степени) в некоторых значениях данного предложения выступают как контекстуально включенные, в других его значениях как невключенные.

Тема высказывания, вернее контекстуально включенная часть центра предложения, относится к пресуппозициям, т. е. предполагается; и под отрицанием она стоит вне сферы действия оператора отрицания (хотя и внутри сферы действия этого оператора имеются пресуппозиции, напр. пресуппозиция номинальной фразы с делимитационной чертой определенности). Контекстуально включенная часть предложения, по-видимому, совпадает с тем, что Хомский называет пресуппозицией в отличии от фокуса (т. е. контекстуально не включенной части в наших терминах). Если мы хотим оставить термин рема (ядро) как термин, определенный (напр. Фирбасом) на основе шкалы коммуникативной динамичности, можно в этом смысле (контекстуально невключенной части) употреблять термин *фокус*.

Эмпирическое исследование отрицательных предложений в чешском, английском и других языках показало, что в примарном случае оператор отрицания (Н) стоит на границе контекстуальной включенности; отрицается отношение фокуса к теме. Если при этом глагол принадлежит к фокусу (а), то отрицается конечно и предикация; если он контекстуально включен (б), тогда отрицание является „членским“. В секундарном случае отрицается только контекстуально включенный глагол (в). В наших схемах индекс *ε* означает контекстуальную включенность.

(а) $A_1^{\epsilon} \dots A_n^{\epsilon} \text{ Н } \Gamma A_{n+1} \dots A_m$

(б) $A_1^{\epsilon} \dots A_n^{\epsilon} \Gamma_{\epsilon} \text{ Н } A_{n+1} \dots A_m$

(в) $A_1^{\epsilon} \dots A_n^{\epsilon} \text{ Н}^{\epsilon} \Gamma^{\epsilon} A_{n+1} \dots A_m$

С помощью метода вопросов можно, однако, установить не только границу между контекстуально включенной и невключенной частью, но также отдельные степени коммуникативной динамичности внутри контекстуально невключенной части, или внутри фокуса. При контекстуальной включенности нескольких членов предложения кажется, что их порядок (в языках со свободным порядком слов и при нормальной интонации) является более менее произвольным. В литературе на многих местах говорится о заменимости их порядка или о равновесии между их степенями коммуникативной динамичности. Однако, как показывает анализ примеров, на упорядочение контекстуально включенных элементов относительно их коммуникативной динамичности могут оказать влияние факторы языковые (напр. производитель легче всего выбирается как собственная тема с низшей степенью динамичности; здесь играет роль коммуникативный вес отдельных членов) или факторы ситуационные (низшей степенью динамичности легче владеет элемент, являющийся более центральным с точки зрения данной ситуации и отношения говорящего и слушающего к ней) и строение связного текста (выбор продолжения).

На основе проведенных исследований можно сделать вывод, что порядок членов внутри фокуса определяется (как правило, если не всегда) семантическим строением предложения. Анализ примера (15) и (16)

(15) Аз дадох на момчето ябълка.

(16) Аз дадох ябълка на момчето.

показывает, что только предложение (15) может появиться как полностью контекстуально невключенное. Выбор другого порядка (напр. с прямым

дополнением как менее динамичным чем косвенный объект, см. (16)) обусловлено только контекстуальным включением (прямого дополнения). Покажем еще другие примеры, содержащие в фокусе более одного актанта:

- (17) (Те) изпратиха някакво писмо В БРНО.
- (18) (Те) докараха ябълки В ПИЛЗЕН.
- (19) (Те) избраха един студент ЗА ПРЕДСЕДАТЕЛ.
- (20) Той показа съ безкомпромисното си становище на всички врагове, че ...
- (21) Той казваше за един познат, че е получил кооперативна КВАРТИРА.
- (22) Той копаеше зад къщи с мотиката ГРОЗДЕ.
- (23) Расказваше една жена миналият петък в магазина, че ...
- (24) Той купува всеки месец по някой друга КНИГА.
- (25) Той разкарваше по града чакъл за да си изкара някоя друга пара, защото това се плаща ДОБРЕ.

Примеры (17)–(19) показывают, что прямое дополнение владеет более низким коммуникативным весом чем направление или второстепенное сказуемое. Если изменить взаимопорядок этих членов и прямого дополнения, то бы (при соблюдении нормальной интонации) функцию фокуса выполняло только дополнение, и направление или второстепенное сказуемое были бы контекстуально включены. Примеры (20)–(22) показывают, что орудие действия и дополнения типа „о чем“ владеют более низким коммуникативным весом чем прямое дополнение и т. д. Подробный анализ примеров (включая научно-технические тексты) показал, что контекстуально не-включенные актаны составляют определенную шкалу, так что можно говорить о их „системном упорядочении“ для данного языка (чеш., болг. и др.). Пока не полностью выяснен вопрос, соответствует ли этой шкале также упорядочение свободных членов (не актантов глагола). Примеры (22)–(25) и другие соответствуют предположению, что они упорядочены в согласии с этой шкалой. Перестановка прямого дополнения перед обстоятельство места, обстоятельства места перед обстоятельство времени, перестановка орудия действия за дополнение и т. п. связана с тем, что член, переставленный вперед (влево) из более правого места, превратился в контекстуально включенный.

Некоторые из этих членов часто встречаются в роли кулисы. Это могло бы служить аргументом для их понимания как членов с сравнительно небольшим коммуникативным весом (стоящими в системном упорядочении довольно влево). Однако, при рассмотрении глагольных синтагм, в которых они выступают в роли облигаторных актантов, определим, что они играют примарно роль рематических членов с высшим коммуникативным весом, напр.

- (26) Приятелите попаднаха в града.
- (27) Сдобряването стана завчера.
- (28) Болестта трая три дена.

Предпочтем такое описание, в котором даже свободные члены будут примарно играть роль рематических членов; их употребление в роли ситуационной кулисы рассматривается как их тематизация, т. е. их контекстное включение. Это значит, что для того, чтобы считать элемент контекстуально включенным, достаточно, если он „известен“ не из самого текста, а из ситуации. Такое более широкое понимание контекстуальной включенности

дает возможность несложным образом описать явления, толкуемые пока неясно или непоследовательно.

На основе вышеупомянутого анализа текстов мы установили следующую шкалу „системного упорядочения“ основных дополнений глагола (ее формулировку необходимо понимать как предварительную): производитель, время — когда, с какого времени, до какого времени, как часто, как долго, место, образ действия, орудие действия, косвенное дополнение (адресат), дополнение типа „о чем“, прямое дополнение, направление, второстепенное сказуемое.

В заключение можно сказать, что предлагаемый метод приносит пользу и в более четком разграничении вопросов содержательных от терминологических. Это можно показать на примере актуального членения предложений, стоящих в начале текста. Если задан вопрос, имеет ли такое предложение свою тему, рему и переход, причем тема определяется через иерархию коммуникативной динамичности как наименее динамичной элемент, потом прямо из определения следует, что тему имеет всякое предложение, в котором есть шкала коммуникативной динамичности. Если мы как существенную дихотомию рассматриваем дихотомию на часть контекстуально включенную и невключенную, потом возникает эмпирический вопрос, связанный с тем, существуют ли вообще предложения без контекстуально включенной части. Какой бы ни был результат этой эмпирической проверки, удовлетворительной для его описания будет система, учитывающая упорядочение членов относительно коммуникативного веса и определяющая в случае контекстуального включения предложения место глагола.

При таком подходе можно объяснить и явление, что тематизация выравнивает, или полностью устраняет неоднозначности в определении границы фокуса:

(29) Петър видя МАРИЯ.

(30) Петър Мария ВИДЯ.

из предложения (29) не видно прямо, является ли глагол включенным или не включенным элементом, но из (30) ясно, что глагол невключен.

